

ст. об.

Под стакан и в трамвае

НГ Ex Libris (прил. к Независимой),
2004. — 22 апр. — с. 1-2

Евгений Бачурин: «Блатные песни стали неотъемлемой частью советского фольклора»

Евгений Бачурин родился 25 мая 1934 года в Ленинграде. Долгое время с родителями жил в Сочи. Окончил полиграфический институт. Работал художником в периодической печати. Член Союза художников СССР. Выставлялся в ФРГ, США, Франции, Японии, Швеции и др. Автор многих пластинок. Поэт и композитор, исполнитель под гитару собственных песен. Самая известная песня: «Дерева». Печатался в журналах «Юность», «Знамя», «Наша улица», «Сельская молодежь» и др. Большая книга, собравшая практически все произведения Евгения Бачурина, «Я ваша тень» выпущена издательством «Книжный сад» в 1999 году. Книга «Дерева, вы мои деревья...» вышла в издательстве «РИПОЛ-КЛАССИК».

— Евгений Владимирович, в СССР была подпольная жи-

вопись, подпольная поэзия, подпольная литература... То есть то, что сейчас, условно говоря, называется андерграундом. Вы себя считаете представителем советского андерграунда?

— В какой-то степени, безусловно, да, потому что я не вы-

вольно модных журналах. Я тогда уже бубнил стихи Маяковского, Сельвинского, Заболоцкого и Хлебникова. И вот однажды я пришел в знаменитый дом на Масловке, где жили художники, к великому футуристу Владимиру Евграфовичу Татлину. Старик принял меня

Татлин показал мне модель знаменитого «Летатлина», сопровождая это стихами своего друга поэта Хлебникова

ходил наружу. Я выходил наружу только в качестве художника. И то в качестве художника-иллюстратора. В 60-е годы я был уже несколько известен как иллюстратор в разных до-

радочно. Маленькая двухкомнатная квартира старого холостяка. На стенах холсты, которые сейчас находятся в лучших музеях мира, — обнаженная девочка, какой-то прозрач-

Если ездить мимо Покровско-Стрешнева, то плохую песню не сочинишь!
Фото автора

ный пейзаж, натюрморт с мясом и ножом. Честно говоря, меня мало тогда взволновали эти картины, написанные плазовыми мазками, странные по рисунку и лишенные внешнего эффекта.

Я в то время ориентировался на классику — Сурикова, Левитана, Врубеля, в крайнем случае, Петрова-Водкина. Вкусы мои были примитивны и старомодны, а требования на вступительных экзаменах строги и ортодоксальны. Татлин показал мне модель знаменитого «Летатлина», сопровождая это стихами своего друга поэта Хлебникова. Я сидел как замороженный. На меня обрушился поток коротких остроумных рассказов. Передо мной сидел человек из мезозоя, странной, неведомой эпохи.

— Но вы стали известны не как художник, а как бард...

— Я знал Алексея Охрименко. Выглядел Охрименко замечательно: с золотыми зубами.
ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2